

Г.Д. Гловели

д.э.н., профессор, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

ДИЛЕММЫ ПОЛИТЭКОНОМИИ МАНУФАКТУРНОГО ПЕРИОДА

Аннотация. Статья настаивает на историко-методологической актуальности введенного К Марксом понятия «политическая экономия мануфактурного периода». Показано, что это понятие позволяет глубже понять и оценить вклад различных авторов, относимых в литературе к «меркантилизму», «камералистике», «Другому Канону» или даже (как У. Петти) к «классической политической экономии». Эксплицированы актуальные и для современного экономического дискурса дилеммы, с которыми столкнулись рассматриваемые политэкономы мануфактурного периода.

Ключевые слова: мануфактурный период, меркантилистские дилеммы, геоэкономические дилеммы, «ресурсное проклятие», научная революция XVII века, часовая мануфактура, дилемма низкой и высокой заработной платы, индустриальная революция.

JEL: O14, O25, N13, N15, N16, B15, B29.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10107

О понятии «мануфактурный период»

Как известно, понятие «классическая политическая экономия» было введено К. Марксом в трактате «К критике политической экономии» (1859). Введение к этой работе знаменито беглой формулировкой основ материалистического (формационного) понимания истории: Маркс выделил ступени экономического прогресса вплоть до «буржуазного способа производства» [Маркс, 1959. С. 7]. Определив историческое значение третируемой английскими и французскими фритредерами «меркантильной системы» как ранней версии экономического анализа, раскрывшей «в грубо-наивной форме тайну буржуазного производства» [Маркс, 1959. С. 140], Маркс очертил вокруг английского и французского фокусов эллипс авторов, отнесенных им к «классикам» политэкономии: от Петти до Рикардо и от Буагильбера до Сисмонди. Причем в пику уже сложившемуся культу А. Смита как «отца-основателя» политэкономии Маркс назвал У. Петти «отцом английской политической экономии», который «раскрыл значение разделения труда и как производительной силы, и притом в более обширном плане, чем Адам Смит» [Маркс, 1959. С. 39].

В «Капитале», подтверждая свою трактовку «классической политэкономии» как науки, «исследующей внутренние зависимости буржуазных отношений производства» [Маркс, 1960. С. 91], Маркс внес существенное уточнение в формационный подход, логически и исторически противопоставив в рамках «буржуазных отношений производства» мануфактурную стадию «систематической формы капиталистической кооперации, основанной на разделении ручного труда», и фабричную стадию капиталистического крупного машинного производства [Маркс, 1960. С. 44, 376, 473].

Маркс изменил общеевропейскую семантику слов «мануфактура» и «фабрика», означавших крупные предприятия обрабатывающей, главным образом текстильной, промышленности («рукодельня», особ. «прядельная, ткацкая» [Даль, 1881. С. 304]), и как синонимы почти одновременно вошедшие в русский язык [Смирнов, 1910. С. 187,

301], в котором они позднее отождествлялись с «такими заводами, где огонь (накалка, плавка, варка) не занимает первого места» [Даль, 1882. С. 546]. Причем А. Смита Маркс характеризовал как «обобщающего экономиста мануфактурного периода», отметив, что ни одного нового положения относительно разделения труда Смит не выставил [Маркс, 1960. С. 361]

Проведенным знаменитой просветительской «Энциклопедией» (откуда заимствовал свое хрестоматийное описание булавочной мануфактуры Смит [Аллен, 2014. С. 214]) разграничением мануфактур на «объединенные» и «рассеянные» [Мануфактура (1765), 1978. С. 161] Маркс не воспользовался. Сам же фактически проанализировал две разновидности «объединенных», или централизованных, мануфактур, назвав их «гетерогенной» и «органической» [Маркс, 1960. С. 354]. Кроме того, теоретик формационного подхода и критик политической экономии категорически заявил, что из всех товаров «предметы роскоши имеют наименьшее значение при технологическом сравнении различных эпох производства» [Маркс, 1960. С. 191, прим. 5 и 5а], хотя рассмотрение «гетерогенной» мануфактуры начал с производства карет, которые всегда оставались предметом роскоши.

Марксово выделение мануфактурного периода в экономической истории было поддержано «молодой» исторической школой в политэкономии, но с существенными коррективами. Во-первых, было показано (прежде всего А. Гельдом), что до возникновения крупного машинного производства в Западной Европе преобладала не централизованная, а «рассеянная» мануфактура, которую называли «домашней промышленностью» (нем. – Hausindustrie, франц. – industrie domestique; также Kleingewerbe, buissonniere; англ. – domestic-system). Во-вторых, было отмечено (В. Зомбартом, со свойственными ему преувеличениями), что вытеснение капиталистической мануфактурой цехового ремесла феодальных городов началось именно в изготовлении предметов роскоши, притом преимущественно таких, которые появлялись вновь и никогда не производились цеховыми ремесленниками.

Развернутое сопоставление «мануфактурного периода» в промышленной истории разных стран Европы, включая Россию, было проведено петербургским политэкономом исторической школы И. Кулишером [Кулишер, 1906]. Он же обратил внимание, что ранее Маркса мануфактуру и фабрику как стадийные формы роста крупной промышленности четко разграничил А. Корсак [Кулишер, 2004. Кн. 3. С. 107–108], зачинатель исторического направления в российской политэкономии [Гловели, 2011]. Надо добавить, что в отличие от Маркса Корсак акцентировал производство первыми европейскими мануфактурами преимущественно предметов роскоши (трудность соединения качества с дешевизной), а также наличие географически удобного местоположения (Италия, Фландрия) для привоза заграничного сырья и отдаленного международного сбыта [Корсак, 1861. С. 71]. Отдельно Корсак рассмотрел насаждение Петром I мануфактур в России, с «несчастной мерой» приписывания крепостных к фабрикам.

Вывод первого русского экономиста-компаративиста был грустным: «если на Западе мануфактуры и фабрики положили первые начала свободы труда, то у нас они только усилили рабство» [Корсак, 1861. С. 131]. И. Кулишер не согласился с этим, показав, что опора на принудительный труд (исправительные «работные дома» в тюрьмах, приютах и т.п. местах) и широкое участие правительственной власти при насаждении мануфактур были почти общеевропейским правилом. Кроме того, хотя многие субсидированные государством предприятия быстро закрывались, правительственные усилия не были безрезультатными и с интервалом в несколько десятилетий приносили плоды промышленного роста [Кулишер, 2007. С. 87].

Проблематика мануфактурного периода оказалась злободневной, как нигде, в Российской империи вследствие разгоряченных споров между адептами «европеизации»

и приверженцами институциональной «самобытности». В хлесткой дискуссии конца XIX в. о прохождении Россией конкретных стадий капиталистического развития вспомнили и Корсака, как «самого выдающегося экономиста 1860-х годов» [Туган-Барановский, 1899. С. 852]. Сторонники «народного производства» утверждали, что сельские подспорные кустарные промыслы являются особой зародышевой промышленной формой, альтернативной капиталистической фабрике; идеологи-«неомарксисты» с пеной у рта доказывали, что российская кустарная промышленность не более чем разновидность европейской рассеянной мануфактуры, которая неизбежно будет вытеснена городским фабричным машинным производством как более высокой стадийной формой капитализма. В контексте этих споров генезис смитианской школы «экономистов-классиков» был интерпретирован так: мануфактура, покоящаяся на началах разделения труда, «как форма крупного капиталистического производства, работающая на широкий сбыт, нуждалась для своего развития в свободе промышленности и торговли» [Соболев, 1898. С. 309].

Тем не менее и в России, где к концу XIX в. влияние «Капитала» К. Маркса было среди университетских политэкономов сильнее, чем где-либо в Европе [Туган-Барановский, 1899. С. 853–854], понятие «политэкономии мануфактурного периода» не получило распространения. Понятие же «классической политэкономии» (или «классической школы») укоренилось [Чупров, 1898. С. 42-63], [Левитский, 1914. С. 338–361, 371–391], но – как и на Западе – в смысле, весьма отличном от марксовского: без Петти, Бугаильбера и Сисмонди, но с добавлением Мальтуса, Сэя, Миллей – тех, кого сам Маркс отнес к политэкономии «вульгарной».

Меркантилистские дилеммы

И. Кулишер проводил свое сравнительно-историческое исследование мануфактурного периода в русле тех переоценок «меркантильной системы», которые «молодая» историческая школа направила против либеральных экономистов XIX в. – приверженцев «ортодоксальной» доктрины государственного невмешательства, сделавших международными экономическими мемами английское словосочетание «фритред» (free trade) и французское выражение *laissez faire*. Отправным пунктом переоценок было признание необходимости «меркантилистской» политики для исторического перехода от мелко-территориального хозяйства средневекового ремесленного города и сельской округи к национально-территориальному хозяйству, охваченному таможенными пошлинами и единой денежной единицей. Правительственные усилия в борьбе за внешние рынки и привлечение звонкой наличности в страну были атрибутом «национального строительства», требовавшего налаженной монетной системы и оживления денежного оборота [Шмоллер, 1901. С. 10].

Контекст исторической «реабилитации» меркантилизма был задан поворотом крупнейших стран Европы к протекционизму и возникновением «социал-политики». Одновременно расширялась историческая панорама политической экономии [Онкен, 1908], в которой структура «меркантилизма» становилась все более сложной. Спустя ровно век после критики «меркантильной системы» А. Смитом русский историк А. Брикнер впервые отнес к «меркантилистам» самонадеянных горе-советников русских царей – хорватского католика-панслависта Крижанича и православного купца-прожектера Посошкова, чьи «потаенные» книги были извлечены на свет божий лишь в середине XIX в. [Брикнер, 1876. С. 5]. Тогда же русский политэконом исторической школы и «социал-политик» И. Янжул положил начало отождествлению хрестоматийной доктрины «торгового баланса» (запечатленной в заглавии книги Т. Мана, от которой и отталкивался А. Смит) с «поздним» («зрелым») меркантилизмом. Для мерканти-

лизма же «раннего» была предложена формула «денежного баланса», подразумевавшая практики надзора над сделками с иностранными купцами и запрета на вывоз звонкой наличности [Янжул, 1876. С. 5]. Другие историки экономических учений стали выделять и еще одну, самую раннюю «фазу меркантильной системы», связанную с порчей монеты и введением официального разменного курса [Косса, 1900. С. 181]. К «меркантилистам» причислили и воскрешенного из забвения автора «Трактата политической экономии» француза Монкретьена де Ватвиля [Montchrétien, 1889], и германских «камералистов» XVII–XVIII вв. – первых «социал-политиков», которым посвятил увесистый том американский социолог А. Смолл [Small, 1909].

Опошляющее «классическое» обобщение, что меркантилисты отождествляли богатство с деньгами, было оставлено авторами трудов по истории экономических учений, появившихся во всех крупнейших европейских странах. «Меркантилисты исходили из того положения, что обладание деньгами делает возможным приобретение всех других богатств; кроме того, они видели, что торговое и политическое могущество сосредоточивается в руках наций, занимающих первое место по своей промышленности и торговле – притом специально по морской торговле, развитию которой способствует обладание обширными колониями, располагающих большим количеством благородных металлов, которые они извлекают из своих рудников (Испания и Португалия), или приобретают благодаря торговле (Италия, Фландрия, Голландия и позднее Англия и Франция)» [Косса, 1900. С. 180].

Составленные историками уже в XX в. ряды долговременной динамики цен [Люблинская, 1965. С. 17] позволяют сделать вывод, что наиболее яркие проявления «меркантилизма» падают на два длительных периода низких цен, когда покупательная способность звонкой наличности явным образом возрастала. Это период самого начала XVII в., когда после ошеломившего европейцев «революционного» скачка цен в XVI в. (вызванного обильным приливом драгоценных металлов из Нового Света) произошло их существенное падение (1600–1615) с последующим медленным повышением (до 1630); и период минимума цен в 1660–1680 гг. после их полувекового снижения. К первому периоду относятся издания трактатов А. Серра (о нем ниже) и Монкретьена де Ватвиля, формулировка доктрины активного «торгового баланса». К этому же времени относится формирование экономических взглядов знаменитого кардинала и герцога де Ришелье, отразившихся позднее в его практической деятельности как «суперинтенданта навигации и коммерции» [Люблинская, 1965. С. 298-299] и в его «Политическом завещании». А расцвет обоснований и практических воплощений доктрины торгового баланса приходится на 60–80-е гг. XVII в. Во Франции – кольбертизм. В Англии – усиление Навигационного акта Кромвеля, проведенное канцлером казначейства Дж. Даунингом, основателем Даунинг-стрит (1660). Оказавшаяся весьма ко двору публикация книги Т. Мана «Богатство Англии во внешней торговле, или Баланс нашей внешней торговли как регулятор нашего богатства» (1664), памфлеты директора Ост-Индской компании Дж. Чайлда (1668), английского посланника в Голландии У. Темпла (1673) и т.д. В Священной Римской империи германской нации – экономическое дополнение Ф.Л. фон Зекендорфа к его труду «Германское княжество» (1664), «Политическое рассуждение о том, как сделать страну богатой и густонаселенной» (1668) прожектера-полигистора И.Й. Бехера, основанный им же при императорском дворце в Вене «Мануфактурный дом» (1673), памфлет имперского секретаря Ф. фон Хорнига «Австрия превыше всего, если сама того пожелает» (1684) и др. В 1660–1670-е гг. отосланный самодержцем Алексеем «Тишайшим» подальше в Тобольск Ю. Крижанич предается «Политичным думам» о шансах России в «великой морской торговле» и славит британский Навигационный акт [Гловели, 2014. С. 256].

В заботах о расширении денежного оборота в своих странах доктринеры активного торгового баланса натолкнулись на противоречия в использовании звонкой налич-

ности. Она могла быть употреблена как *средство обращения* на поддержку «доходных профессий», но могла застыть как *сокровище* в кубышках, в ювелирной роскоши или в казенных сундуках в ожидании войн. Фон Хорнигк в изложении девяти экономических правил «хорошо организованного государства» подчеркнул: «Когда в стране имеется золото и серебро, добытое из собственных шахт или заработанное у других стран при помощи промышленности, оно... не должно храниться в ящиках или под матрасами, но должно оставаться в обращении. Нельзя позволять использовать значительное количество золота и серебра для таких целей, для которых они уничтожаются и не могут использоваться вновь» [Хорнигк, 2011. С. 346–347]. Но из-за мании германских князей «обладать собственным Версалем» [Кулишер, 2004. С. 378] призывы знатоков «камеральных наук» столь же мало сдерживали «уничтожение» драгоценных металлов, сколь мало препятствовал более высокий, чем где-либо, уровень рассуждений о деньгах в Италии [Schumpeter, 1954. P. 278] мелкодержавной порче монеты на полуострове.

Но погоня за активным торговым балансом влекла и иного рода несоответствие. Еще Т. Ман заметил, что присутствие в стране большого объема звонкой наличности способно вызвать противоположную тенденцию, так как повышает внутренние цены товаров и тем самым провоцирует затруднение экспорта и предпочтительность импорта. В XVIII в. из этого парадокса Д. Юм сделает вывод о бесполезности политики активного торгового баланса («механизм валютного перелива»), подготовивший атаку А. Смита на «меркантильную систему». А в XX в. Э. Хекшер назовет это противоречие «меркантилистской дилеммой» [Heckscher, 1962. С. 179]. Как мы видели выше, это была не единственная дилемма, с которой столкнулся «меркантилизм». А ниже рассмотрим и другие политэкономические дилеммы европейского мануфактурного периода.

Геоэкономические дилеммы

Сноб Й.А. Шумпетер, третируя в своей «Истории экономического анализа» Монкретьена де Ватвиля как автора «ниже среднего уровня эпохи», чей вклад в историю экономической науки определился только названием, но никак не содержанием его «Трактата политической экономии» (1615), гораздо более высоко оценивает неаполитанца Антонио Серра [Schumpeter, 1954. P. 163, 188, 335]. Хотя на первый взгляд как раз этот автор дал повод отнести свое сочинение к числу тех, которые можно не читать дальше заглавия, – «Краткий трактат о средствах снабдить в изобилии золотом и серебром королевства, лишенные рудников драгоценных металлов» (1613). Сведений о загадочном неаполитанце так и не удалось найти, но это не помешало миланскому экономисту П. Кустоди провозгласить Серра «первым писателем по политической экономии» [Roncaglia A. 2005. P. 48], и с него начать издание «Scrittori classici italiani di economica politica» (1803–1816), убедившее не только итальянских историков экономических учений в том, что именно Серра заслуживает признания как основатель политэкономии [Вернадский, 1858. С. 29; Ингрэм, 1897. С. 65; Косса, 1900. С. 165]. Еще до них «со второго взгляда» высоко оценил трактат Серра глашатай «политэкономии национальных производительных сил» Ф. Лист, взявший под защиту «меркантилистов» от огульной смитианской критики. В недавнее время, следуя Ф. Листу, смутную фигуру итальянской старины высветил в поисках начал «Другого канона экономической науки» Э. Райнерт [Райнерт, 2011. С. 67–68].

Серра озадачился вопросом, почему бедно его родное, изобилующее плодоносными землями Неаполитанское королевство, тогда как Венецианская и Генуэзская республики, не имеющие сельскохозяйственных угодий, процветают. Ответ – потому что жители Неаполя «так ленивы, что не торгуют за пределами своей страны», а в Венеции и Генуе развиты многочисленные ремесла и торговля мирового размаха [Серра, 1935. С. 94, 100–101].

Э. Райнерт ставит в заслугу Серра понимание преимуществ, достигаемых при помощи «обычных», а не обусловленных природой «специфических» источников богатства, – структурного сдвига к преобладанию *отраслей с возрастающей отдачей* [Райнерт, 2011. С. 67]. Действительно, неаполитанец связывает процветание Венецианской и Генуэзской республик с рукотворным производством продукции, быстро умножаемой в количестве, более надежной в сохранности и дорогой, и потому приносящей стране изобилие денег от экспортных продаж. Но Серра не обошел вниманием и влияние «специфического» местоположения государства относительно других государств и частей света.

В XIX в., когда неаполитанское словцо «лаццарони» стало международно известным прозвищем бездельника-бедняка, довольствующегося щедростью окрестных плодовых деревьев, К. Маркс и сторонники «географической школы в социологии» пришли к выводу о замедляющем воздействии на экономическое развитие излишне щедрой природы, не стимулирующей трудолюбие и изобретательность. Однако Маркс ограничился делением природных ресурсов на богатство средствами жизни и богатство средствами труда [Маркс, 1960. С. 521]; тогда как работы историков геосоциологического направления «относительно пространственного распределения тех или иных проявлений культурной жизни человечества» [Синицкий, 1911. Стб. 87] показали, что необходимо отдельно учитывать *богатство средствами сообщениями*, и прежде всего морскими. В классификации ресурсов, обоснованной выдающимся русским экономико- и антропогеографом Вениамином Семеновым-Тян-Шанским [Гловели, 2010. С. 44], надо выделить особо *коммуникационные ресурсы* наряду с *зональными* (почвенными, растительными, животными) и *азональными* (минеральными).

Историки-экономисты не остались в стороне от *антропогеографии*, подчеркивая отражение в «меркантилизме» суровой эпохи, когда «все тянулись к морю, чтобы занять место на мировом рынке» [Солнцев, 1930. Стб. 379]. Трактат же Серра, не употреблявшего еще слова «мануфактура», но видевшего достижения североитальянских мануфактур, может считаться не только политэкономическим, но и антропогеографическим протоанализом, отразившим двоякую геоэкономическую дилемму. С одной стороны, богатство средствами жизни, или зональными ресурсами, может навлечь то, что с конца XX в. (применительно, правда, более к углеводородным аazonальным ресурсам) называют «ресурсным проклятием». С другой стороны, коммуникационные ресурсы являются несомненным «специфическим» источником богатства. Да, Неаполь богат земельными угодьями, отмечал Серра, но довольно неудобно расположен для перевозки товаров. Тогда как Венеция, близ которой впадает в море большинство итальянских рек, занимает исключительно выгодное для торговли местоположение на пути из Европы в Азию [Серра, 1935. С. 95].

Геоэкономические дилеммы меркантилизма оттеняют сравнение еще одной фигуры, высвечиваемой Э. Райнертом, – австрийского имперского секретаря фон Хорнигга – с французскими и английскими доктринерами активного торгового баланса. Все они, прожектеры и практики – У. Рэлей, Ман, Монкретьен, Ришелье, Кольбер, Темпл, Чайлд и т.д., – по определению И. Янжула, «подражатели» Голландии [Янжул, 1876. С. 72]. Они завидуют мощи ее флота, превосходящего по грузообороту едва ли не все вместе взятые прочие флоты Европы, легкости и дешевизне голландской транспортировки товаров по рекам, каналам и морям и высокодоходному транзиту между заокеанскими странами и разными частями Европы. Но впечатление производит и обогащение Голландии – Республики Соединенных провинций Северных Нидерландов – не за счет собственных природных ресурсов, а промышленностью, улучшающую в мануфактурах продукцию, ввозимую из-за морей.

Обратимся теперь вновь к девяти правилам экономической политики, которые сформулировал фон Хорнигг, а Э. Райнерт переозаглавил как «правила эмуляции», особо выделив правило номер 2, отражающее, по словам Райнерта, «культ мануфактуры» евро-

пейского успеха, и содержащее идею, «которую мы могли бы назвать мультипликатором обрабатывающей промышленности» [Райнерт, 2011. С. 348]. Речь идет о требовании переработки в пределах страны ее естественных ресурсов в мануфактурные товары, «которые обычно стоят в 2–3–10–100 раз дороже, чем сырье» [Хорнигк, 2011. С. 346]. В других правилах фон Хорнигк настаивает на изучении «каждого клочка» для поиска растительного сырья и металлов; поощрении «всевозможных изобретений, искусств и ремесел»; минимизации импорта; продаже избыточных «товаров в завершеном виде» иностранцам за золото и серебро и т.д. Что бросается в глаза при сравнении с английскими и французскими меркантилистами – ни слова о флоте и доступе к морской торговле!

Шумпетер характеризует рекомендации фон Хорнигка как программу поощрения экономического развития для бедной страны, лишенной ресурсов и возможностей Англии [Schumpeter, 1954. P.192]. Каких же ресурсов и возможностей Англии была лишена Австрия? А как раз коммуникационных – морской торговли.

Австрийская столица Вена расположилась на берегах Дуная – крупнейшей реки Европы, выхода к морю не имела. Черноморское устье Дуная на несколько веков было захвачено Османским султанатом, не раз угрожавшим самой Вене (при ее решающей обороне от натиска турок-османов погиб среди прочих Ю. Крижанич). Но не только в этом была причина неразвитости торгового судоходства по Дунаю: между средним и нижним течением реки создала преграду кораблям теснина «Железные ворота» [Водовозов, 1913. Стб. 899]. Поэтому в Австрии, как и в большинстве мелких государств, входивших в Священную римскую империю германской нации, «меркантилизм» приобрел своеобразный «континентальный» отпечаток. Советники императора, королей и курфюрстов делали упор не на заморскую внешнюю экспансию, а на умение чиновников, обученных «камеральным наукам», управлять различными отраслями государственного хозяйства.

В понимании же ресурсов и возможностей Англии глубже всех прочих доктринеров торгового баланса и адептов «культы мануфактуры» оказался самый проникательный из них – британский бывалый моряк и прожженный «политический арифметик» У. Петти. Восхищение Голландией (где ни одно мануфактурное предприятие, перерабатывающее, как правило, дальнепривозное сырье, не отдалено более чем на милю от судоходных вод) сочеталось у него с уверенностью в том, что родная страна вполне способна превзойти флотской мощью Республику Соединенных провинций и приводить в движение «весь коммерческий мир» [Petty, 1899. P. 112].

Дилемма прикладной и «чистой» науки

Маркс, признавая У. Петти «отцом политической экономии», отметил, что как самостоятельная наука политэкономия возникла именно в мануфактурный период [Маркс, 1960. С. 377]. Однако в этот же период возникло и точное (математизированное) естествознание, заменившее логические экзерсисы прямым изучением (испытанием) природы посредством экспериментирования [Кирсанов, 1987. С. 7–8] и с использованием «языка чисел, весов и мер» [Петти, 1940. С. 156].

Маркс не раз ссылался на раскрытие Петти преимуществ мануфактурного разделения труда на примере фабрикации карманных часов, объединяющей 36 видов различных работников [Маркс, 1959. С. 40; Маркс, 1960. С. 354]. Часовая мануфактура, как никакая другая, стимулировала техническую изобретательность раннесовременной Европы (Early-Modern Europe), но совершенствование часовых механизмов по своему значению выходило далеко за рамки производства предметов потребления: как основной астрономический инструмент часы стали атрибутом навигации – главного эпистемогенного фактора становления современной науки.

А.А. Богданов, поставивший задачу дополнить марксистскую политэкономия марксистской социологией познания, связал воедино океаническое торговое мореплавание и распространение мануфактур как факторы возникновения исчисления бесконечно малых. «Для мореплавания огромное значение приобрела точность ориентировки, для промышленности – точность производства инструментов. Минимальная ошибка в линии курса при путешествиях на тысячи верст по великим водным пустыням угрожала не только усложнением и замедлением трудного пути, но зачастую даже гибелью всей «транспортной мануфактуры» – корабля с его экипажем. Стремление уменьшить эту ошибку до практически ничтожной стало жизненно насущным. В мануфактуре также минимальные ошибки и неточности в инструментах приобрели большое реальное значение благодаря доведенному до высокой степени техническому разделению труда. Если в ремесленной мастерской работнику, выполняющему свое дело при помощи целого ряда различных орудий, приходилось каждым из них делать несколько десятков движений в час, а то и меньше, то в мануфактуре, оперируя все одним и тем же инструментом, рабочий производит с ним тысячи однообразных движений за такое же время. Неуловимая для глаза погрешность в устройстве орудия, оказывая свое влияние тысячи и тысячи раз, производит весьма заметное ухудшение в результатах работы – в количестве продукта, в степени утомления работника и т. д. Всякую неровность и асимметрию инструмента требуется уменьшить, насколько это возможно, не удовлетворяясь окончательно никакой достигнутой степенью, т. е. именно требуется сводить к бесконечно малой величине. Понятно, что античное презрительное отношение к бесконечно малым должно было исчезнуть и смениться живым интересом: новые мотивы, чуждые древнему миру, были порождены новой социально-трудовой практикой... Когда бесконечно малые заняли свое настоящее место – как действительные элементы практических, конечных величин, тогда стал возможен анализ величин в их изменениях и в их связи» [Богданов, 1990. С. 388–389].

У. Петти биографы в XX в. стали называть «выдающимся выразителем научной революции XVII в.» [Strauss, 1954. С. 225]. Он был одним из членов-учредителей Лондонского Королевского общества, которое с момента основания предприняло усилия для усовершенствования часовых механизмов. Специально для мореплавания сын председателя госсовета Республики Соединенных провинций, голландский астроном, физик и математик Х. Гюйгенс сконструировал маятниковые часы (1658) и дал их математическую теорию (1673). Но часы Гюйгенса позволяли определить долготу на море лишь при хорошей погоде. Их усовершенствованием занялись физик Р. Гук и его протеже механик-часовщик Т. Томпион [Пируныров, 1982. С. 221]. В тот же год, что «отец английской политэкономии» У. Петти изложил на бумаге «Политическую арифметику» (1676), «отец английского часостроения» построил маятниковые часы для открытой в лондонском пригороде Гринвиче Королевской обсерватории [Пируныров, 1982. С. 221]. Эти часы отсчитывали исходное время для британских навигаторов, приближая предсказанное У. Петти опережение Британией Голландии и всех прочих стран в океанском мореплавании и морской торговле.

Младшим современником Петти и Гюйгенса и соперником Гука был И. Ньютон – первооткрыватель дифференциального и интегрального исчисления, создатель механической картины мира классической науки. Молодым профессором он инструктировал своего друга Астона разузнать, приносят ли часы пользу в дальних морских путешествиях при определении долготы; в своем эпохальном труде «Математические начала натуральной философии» (1687) анализировал данные английских океанических экспедиций о секундном ходе маятниковых часов; в составе парламентской комиссии готовил «Билль о долготе» (1714) для поощрения конструкции часового механизма, позволившей бы точно определить градус долготы на океанских рейсах [Гессен, 1933. С. 26, 30].

Но, как показал наукометрический анализ, проделанный американским социологом Р.К. Мертоном, из исследований Лондонского Королевского общества практическими нуждами была инициирована приблизительно половина [Кирсанов, 1987. С. 13];

другая половина попадает в категорию чистой науки, не выводимой непосредственно из потребностей экономики и техники мануфактурного периода. Стоит отметить и такую составляющую прикладных исследований того времени, как алхимия, нередко входившая в «меркантилистские» проекты (у Бехера, например) и, как известно, сильно привлекавшая Ньютона [Дмитриев, 1999]. Если стремление удешевить мануфактурную продукцию обусловило, как показал И. Кулишер, широкое использование принудительного физического труда, то соединение «алхимического меркантилизма» с практикой изысканных мануфактур на потребу придворной роскоши породило такой казус мануфактурного периода, как принудительный интеллектуальный труд.

Предшественником «основателя политэкономии социализма» И. Сталина и его «шараг» выступил саксонский курфюрст и польский король Август II, заточивший в одном из своих замков – Альбрехтсбурге под Мейсенем на Эльбе – алхимика И. Ф. Беттгера, обещавшего получить золото, но вместо этого получившего фарфор не хуже китайского [Буровик, 1996. С. 155–156]. Открытие Беттгера, прервавшее самую долгую в истории ремесленную монополию, не принесло самому изобретателю свободы, а возникшая Мейсенская мануфактура, как затем Севрская во Франции, Императорский фарфоровый завод в России, продолжила ряд придворных мануфактур, производивших предметы роскоши ради прихотей узкой верхушки «галантного века».

Как отметил А. Корсак, мануфактуры такого рода могли образоваться, «потому что роскошь в богатом классе Европы распространилась ранее, чем довольство в массе населения» [Корсак, 1861. С. 71]. Начало массового производства керамической утвари в Европе связано с именем современника А. Смита Дж. Уэджвуда из Стаффордшира, который не только изобрел новые виды фарфора и фаянса, но и первым применил в керамическом производстве паровую машину, сконструированную Дж. Уаттом [Манту, 1937. С. 322]. И это уже другая эпоха – промышленного переворота и фабричного машинного производства.

Химик-художник Уэджвуд и механик-теплотехник Уатт – едва ли не единственные британские ученые-профессионалы из числа новаторов и бизнесменов революции эпохи промышленного переворота, начавшейся притом не с гончарного производства и теплотехники, а с хлопчатобумажной промышленности, в которой все творцы революционных нововведений были самоучками, не связанными с профессиональной наукой. В связи с этим науковеды не раз ставили вопрос об отсутствии прямой связи между научной революцией XVII в. и британским промышленным переворотом [Бернал, 1956. С. 291; Халл, 1974]. Однако И. Кулишер выявил косвенную, но исключительно важную связь: все новаторы-текстильщики Англии XVIII в. владели навыками часового дела. А оно после Х. Гюйгенса стало производством точных приборов, основанных на достижениях математики и физики и служащих науке [Кулишер, 1908. С. 32–33].

Явно не зная об исследованиях российского ученого более чем вековой давности, его выводы недавно подтвердил в своей новой концепции промышленной революции британский историк Р. Аллен, показывающий, что изобретение и внедрение английских машин было бы невозможно без английской часовой мануфактуры, а она была побочным продуктом научной революции [Аллен, 2014. С. 295]. Однако Аллен показывает и другой аспект проблемы – фактор внутреннего спроса, с которым связана еще одна дилемма политэкономии «мануфактурного периода».

Дилемма низкой и высокой заработной платы

Марксистская традиция исходила из того, что зачинатель «классической политической экономии» У. Петти в «Политической арифметике» оставил меркантилистские воззрения своих ранних произведений [Плотников, 1935. С. 62]. С этим нельзя согласиться, так

как «политический арифметик», хотя и превосходил современников в экономической проницательности, несомненно, остался верен доктрине активного торгового баланса. А в чем Петти был «упертым» меркантилистом – в убеждении, что заработная плата должна быть закреплена на уровне прожиточного минимума. Доктринеры внешнеторговой экспансии были уверены, что иначе не «вырвать народ из безделья» и не преуспеть конкурентной дешевизне продукции на рынках, поставках иностранцам шерстяных материй и других продуктов. По мнению Петти, голландцы «отняли» у англичан суконный промысел, потому что научились «трудиться более усиленно и питаться хуже» [Петти, 1940. С. 47].

В хоре голосов за минимум зарплаты иное мнение – о значении дохода наемных работников как *фактора внутреннего спроса* – осталось неслышным обертоном¹. Однако высокая относительно остальной Европы заработная плата в Нидерландах [Фрис, 2016. С. 18] и Англии позволила за счет роста доходов низших классов расширить внутренний рынок карманных и маятниковых часов. Они в течение XVIII в. превратились в предметы довольно широкого потребления, сбыт которых поддерживал высокий уровень развития часовой мануфактуры, а тем самым – и рост числа умельцев, владеющих навыками часового мастерства.

К. Маркс писал, что технический базис мануфактуры «вступил на известной ступени развития в противоречие с ею же самой созданными потребностями производства», а мануфактурные рабочие не сыграли роли в изобретении машин [Маркс, 1960. С. 381, 361]. Однако часовая мануфактура, поддерживаемая ростом внутреннего спроса благодаря относительно высоким зарплатам, стала источником всплеска механической изобретательности, породившей внедрение машин – сначала прядилен, приводимых в движение водой, и ткацких станков, затем – универсальных паровых двигателей. Главным часостроительным регионом Англии было графство Ланкашир [Аллен, 2014. С. 297–298]. И именно оно стало «почти синонимом» [Cameron, 1997. Р. 184] хлопчатобумажной промышленности – отрасли, «запустившей» ход промышленного переворота, заменявшего ручной мануфактурный труд машинным фабричным. Контроль над применением внедряемых машин требовал инженерных навыков, которые могли быть только у мастеров, освоивших передовую технологию того времени, а этой технологией было часовое производство, и оно же только и могло дать необходимые для первых машин компоненты.

Считая относительную (по европейским меркам) высоту оплаты труда одним из опорных пунктов для прорыва Британии в промышленную цивилизацию, Р. Аллен в качестве другого называет низкие затраты на топливо и энергию благодаря изобилию и дешевизне каменного угля в стране. Еще У. Петти зафиксировал увеличение каботажной доставки каменного угля из Ньюкасла в растущий Лондон [Петти, 1940. С. 198], но старая английская поговорка «Ньюкасл – это твое Перу» обрела новый смысл, когда от драгоценных металлов Перу, пролившихся в абсолютистскую Испанию ко вреду ей, остались одни воспоминания, тогда как Англия с паровой энергетикой «начала все решительнее выступать как главный деятель на поприще всемирной промышленности» [Корсак, 1861. С. 79].

А. Смит, атаковавший «меркантилизм», когда промышленная революция набирала ход, хотя и отметил, что изготовление машин сделалось особым видом бизнеса [Smith, 1776. Р. 12], не упоминал о конкретных машинах-нововведениях, повлекших структурные сдвиги в промышленности, подталкивающие ее к освобождению от раскритикованных Смитом стеснений свободы предпринимательства. Но книга Смита стала знаменем институционального обновления торговли и промышленности при переходе от мануфактурного периода к стадии капиталистического машинного производства. «Счастливая судьба Адама

¹ Мимоходом высказанное, напр., Д. Дефо: «...Если заработная плата – низкая и жалкая, такой же будет и жизнь; если люди получают мало, они смогут мало и тратить, и это сразу скажется на торговле». Цит. по: [Ананьин, 2000. С. 36–37].

Смита состоит в том, что он... защищал те идеи, которые назрели, и поставил свой анализ им на службу» [Schumpeter, 1954. P. 180].

Но дилеммы, с которыми столкнулись ушедшие в тень славы «обобщающего экономиста мануфактурного периода» его предшественники, не исчезли. На протяжении XIX и XX вв., пожалуй, наиболее острой была дилемма низкой и высокой заработной платы. Она привела к расколу внутри ведущей экономической школы, которую ее приверженцы называли «либеральной», а оппоненты – «ортодоксальной» [Гловели, 2019. С. 84–85]. Если следовать определению Маркса, то это был раскол на завершающем этапе «классической» политэкономии: между британцем Рикардо, теоретиком «рабочего фонда» (или «железного закона» заработной платы наемных работников за заработную плату на уровне прожиточного минимума) и французом Сисмонди, призвавшим к социальным гарантиям и введению системы участия рабочих в прибылях. Рикардо холодно назвал снижение благосостояния бескапитальной рабочей массы, растянувшееся почти на 60 лет, «периодом временного страдания»; Сисмонди же «поднял вопль» против страданий переходного периода от ручного к фабричному машинному производству [Миклашевский, 1909. С. 203].

Сисмонди первым указал на то, что повышение доходов рабочей массы восполнит тот недостаток совокупного спроса, который является причиной торгово-промышленных кризисов, но рикардянцы в Англии и школа Сэя во Франции ответили ему разгромной критикой [Блауг, 2005. С. 275], а век спустя основателю антикризисной макроэкономики Кейнсу признать Сисмонди своим предшественником помешал кембриджский снобизм.

В наше время небесполезно ретроспективное рассмотрение геоэкономических дилемм. Ж.А. Бланки, хоть и воздавший должное Сисмонди, считал преходящими печальные последствия того периода, который сам, возможно, первым и назвал «индустриальной революцией» [Blanqui, 1837. Pp. 209, 270]². Бланки, вероятно, с недоумением бы воспринял дискуссии нашего времени о «ресурсном» (чаще всего подразумевается – углеводородном) «проклятии». Ему и его современникам было бы странно говорить об «угольном проклятии» Англии. Напротив, они были уверены, что Британия достигла «всемирной монополии» [Blanqui, 1837. P. 222] «благодаря географическому своему положению и неистощимым производительным силам, которые заключает ее минеральная почва» [Корсак, 1861. С. 89]. С экономистами XIX в. отчасти солидарны и современные историки, не упускающие из виду фактора угольного ресурсного изобилия в завоевании Англией европейского и мирового промышленного лидерства [Померанц, 2017. С. 14]. Голландия же, экономически лидировавшая в Европе мануфактурного периода, лишилась своих позиций в том числе из-за отсутствия минерального топлива и опоре на торф, ограниченный сравнительно с английским каменным углем и диапазоном использования, и пределами запасов [Валлерстайн, 2016. С. 65]. Таким образом, обнаруженные политэкономией мануфактурного периода геоэкономические дилеммы еще далеки от разрешения.

ЛИТЕРАТУРА

- Аллен Р. (2014). Британская промышленная революция в глобальной картине мира. М.: ИИГ.
 Ананьин О.И. (2000). Кристаллизация научных знаний: XVI–XVIII вв. // История экономических учений / Под ред. В.С. Автономова и др. М.: ИНФРА-М.
 Бернал Дж.Д. (1956). Наука в истории общества. М.: Изд-во иностр. лит-ры.
 Блауг М. (2005). Сто великих экономистов до Кейнса. СПб.: Экономическая школа.
 Богданов А.А. (1990). Вопросы социализма: Работы разных лет. М.: Политиздат.
 Брикнер А.Г. (1876). Иван Посошков. Ч. 1. Посошков как экономист. СПб.: Тип. Академии наук.

² В России первым был, по-видимому, А. Корсак [Корсак, 1861. С.90], заимствовавший понятие и описание «индустриальной революции» у германского химика, экономиста и социального прожектера Марло (К.-Г. Винкельблеха, 1810–1865).

- Буровик К. А. (1996). Красная книга вещей. М.: Экономика.
- Валлерстайн И. (2016). Мир-система Модерна II. Меркантилизм и европейская консолидация европейского мира-экономики (1600–1750). М.: Ун-т Дмитрия Пожарского.
- Вернадский И.В. (1858). Проспект политической экономии. Отдел I. СПб.: Тип. П.А. Кулиша.
- Водовозов В. (1913). Дунай // Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 16. СПб.: Брокгауз и Ефрон.
- Гессен Б.М. (1933). Социально-экономические корни механики Ньютона. М.-Л.: Государственное технико-теоретическое издательство.
- Гловели Г.Д. (2011). А. Корсак – первый русский экономист-компаративист // Вопросы экономики. № 7.
- Гловели Г.Д. (2014). Меркантилистская геокультура и «прозельная горячность»: наследие Ю. Крижанича и И. Посошкова в контексте мир-системного подхода // Историко-экономические исследования. № 2 (Иркутск).
- Гловели Г.Д. (2010). Российские экономико-геополитические школы. М.: МЭиМО. № 11. С. 37–49.
- Гловели Г.Д. (2019). Индустриализм и линии раскола в политической экономии // Вопросы политической экономии. № 4. С. 78–93.
- Даль В.И. (1881). Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. СПб.: М.С. М.О. Вольф.
- Даль В.И. (1882). Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. СПб.: М.С. М.О. Вольф.
- Дмитриев И.С. (1999). Неизвестный Ньютон: силуэт на фоне эпохи. СПб.: Алетейя.
- Ингрэм Дж.К. (1897). История политической экономии. М.: К.Т. Солдатенков.
- Кирсанов В.С. (1987). Научная революция XVII века. М.: Наука.
- Корсак А.К. (1861). О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и в России. М.: Тип. Грачева.
- Косса Л. (1900). История экономических учений. Киев – Харьков: Южно-русское книгоизд-во.
- Кулишер И.М. (2004). История экономического быта Западной Европы. 9-е изд. Челябинск: Социум.
- Кулишер И.М. (2007). Крупная промышленность в XVII и XVIII веках С. Франция, Германия, Россия // Анналы экономической и социальной истории. Избранное. М.: ИД Территория будущего. С. 60–96.
- Кулишер И.М. (1906). Эволюция прибыли с капитала в связи с развитием промышленности и торговли в Западной Европе. Т. 1. СПб.: Тип.-Лит. А.Г. Розена.
- Кулишер И.М. (1908). Эволюция прибыли с капитала в связи с развитием промышленности и торговли в Западной Европе. Т. 2. СПб.: Тип.-Лит. А.Г. Розена.
- Левитский В.Ф. (1914). История политической экономии в связи с историей хозяйственного быта. Харьков.
- Люблинская А.Д. (1965). Французский абсолютизм в первой трети XVII в. М.-Л.: Наука.
- Манту П. (1937). Промышленная революция XVIII столетия в Англии. М.: Соцэкгиз.
- Мануфактура (1978) // История в Энциклопедии Дидро и д'Аламбера: Пер. и прим. Н.В. Ревуненковой / Под общ. ред. А.Д. Люблинской. Л.: Наука.
- Маркс К. (1959). К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. М.: Политиздат.
- Маркс К. (1960). Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. М.: Политиздат.
- Миклашевский А.Н. (1909). История политической экономии. Философские, исторические и теоретические начала экономии XIX века. Юрьев-Дерпт: Тип. К. Матисена.
- Онкен А. (1908). История политической экономии до Адама Смита. М.: Тип. М. Александрова.
- Петти У. (1940). Экономические и статистические работы. Т. I–II. М.: Соцэкгиз.
- Пипуныров В.Н. (1982). История часов с древнейших времен до наших дней. М.: Наука.
- Плотников И.С. (1935). Меркантилизм и его разложение // Меркантилизм: Сборник. М.: Огиз, Соцэкгиз.
- Померанц К. (2017). Великое расхождение. М.: ИД Дело.
- Райнерт Э. (2011). Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: ИД ГУ-ВШЭ.
- Серра А. (1935). Краткий трактат о средствах снабдить в изобилии золотом и серебром королевства, лишенные рудников драгоценных металлов // Меркантилизм: Сборник. М.: Огиз, Соцэкгиз.
- Синицкий Л.Н. (1911). Антропогеография // Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 3. СПб.: Брокгауз и Ефрон.
- Смирнов Н.А. (1910). Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху. СПб.: Тип. Имп. Академии наук.
- Соболев М.Н. (1898). Политическая экономия // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. П/Т. 47. СПб.: Брокгауз и Ефрон.
- Солнцев С.И. (1930). Экономия политическая // Энциклопедический словарь Гранат. Т. 51. М.: Рус. библиогр. ин-т Гранат.
- Туган-Барановский М.И. (1899). Экономическая наука // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. П/Т. 55 (Россия). СПб.: Брокгауз и Ефрон.
- Фрис Я. де. (2016). Революция трудолюбия. Потребительское поведение и экономика домохозяйств с 1650 года до наших дней. М.: ИИГ.

- Хорнигк Ф. фон (2011). Девять правил эмуляции богатых стран // Райнерт Э. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: ИД ГУ-ВШЭ.
- Чупров А.И. (1898). Очерки истории политической экономии. М.: Лит. ОРПК.
- Шмоллер Г. (1901). Меркантильная система в ее историческом значении // Научное обозрение. № 10.
- Янжул И.И. (1876). Английская свободная торговля. Исторический очерк развития идей свободной конкуренции и начал государственного вмешательства. Вып. 1. Период меркантильный. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К.
- Blanqui J.-A. (1837). Histoire de l'économie politique en Europe depuis les anciens jusqu'à nos jours . Tome Deuxième. Paris: Guillaumin, Libraire-éditeur. (In French).
- Cameron R. (1997). A Concise Economic History of the World. From Paleolithic Times to the Present. Oxford. Oxford University Press.
- Heckscher E. (1962). Mercantilism. Vol. II. L.: George Allen & Unwin.
- Hall A.R. (1974). Was Did the Industrial Revolution in Britain Owe to Science? // Historical Perspectives. Studies in English Thought and Society. London. Europe Publications.
- Montchrétien A. de (1889). Traicté de l'oeconomie politique, ed. Th. Funck-Brentano. Paris, Librairie Plon, E.Plon, Nourrit et Cie.
- Petty W. (1899) The economic writings. Ed. Ch. H. Hull. Vol. 1. Cambridge University Press. oll.libertyfund.org/titles/petty-the-economic-writings-of-sir-william-petty-vol-1.
- Roncaglia A. (2005). The Wealth of Ideas. A History of Economic Thought.
- Schumpeter, J.A. (1954). The History of Economic Analysis. New York: Oxford University Press.
- Small A.W. (1909). The Cameralists: The Pioneers of German Social Polity. Chicago: Burt Franklin.
- Smith A. (1776). An Inquiry Into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. London: Printed for W. Strahan and to T. Cadell in the Strand.
- Strauss E. (1954). Sir William Petty: Portrait of a Genius. London: Bodley Head.

Гловели Георгий Джемалович

ggloveli@hse.ru

Georgii Gloveli

doctor habilitatus in economics, professor of National Research University «Higher School of Economics» Moscow, Russia

DILEMMAS OF POLITICAL ECONOMY OF MANUFACTURING PERIOD

Abstract. The article insists on the historical and methodological relevance of the concept of “political economy of the manufacturing period” introduced by K. Marx. It is shown that this concept allows a deeper understanding and appreciation of the contribution of various authors attributed in the literature to “mercantilism”, “cameralistics”, “the Other Canon” or even (like W. Petty) to “classical political economy”. The topical dilemmas for the current economic discourse have been explicated with which the political economists of the manufacturing period faced.

Keywords: *manufacturing period, mercantilist dilemmas, geo-economic dilemmas, “resource curse”, scientific revolution of 17th century, watch manufacture, low-high wage dilemma, industrial revolution.*

JEL Classification: O14, O25, N13, N15, N16, B15, B29.

REFERENCES

- Allen R. (2014). The British Industrial Revolution in Global Perspective. M.: GIE (in Russian).
- Ananyin O.I. (2000). Crystallization of Scientific Knowledge: XVI–XVIII Centuries // History of Economical Teachings. Ed. by V.S. Avtonomov and oth. M: INFRA-M (in Russian).
- Bernal J.D. (1956). Science in History. M.: IL (in Russian).
- Blanqui J.-A. (1837). Histoire de l'économie politique en Europe depuis les anciens jusqu'à nos jours . Tome Deuxième. Paris: Guillaumin, Libraire-éditeur. Tome remier (in French).
- Blaug M. (2005). 100 Great economists before Keynes. SPb: “Economicheskaya shkola” (in Russian).
- Bogdanov A.A. (1990). Problems of Socialism: Works of Different Years. M. : Politizdat (in Russian).
- Brikner A.G. (1876). Ivan Posohkov. Vol. 1. Posohkov as Economist. SPb: Academy of Science (in Russian).
- Burovik K.A. (1996). Red Book of Things. M. : Ekonomika (in Russian).
- Cameron R. (1997). A Concise Economic History of the World. From Paleolithic Times to the Present. Oxford. Oxford University Press.

- Chuprov A.I.* (1898). Essays on the history of political economy. M.: Lit. ORPK.
- Dal V.I.* (1881). Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Vol. II (in Russian).
- Dal V.I.* (1882). Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Vol. IV (in Russian).
- Dmitriev I.S.* (1999). Unknown Newton: Silhouette against the Backdrop of the Era. SPb.: Aletheiya (in Russian).
- Gloveli G. D.* (2011). A. Korsak – the First Russian Comparative Economist // Problems of Economics. No. 7. Pp. 62–78 (in Russian).
- Gloveli G.D.* (2019). Industrialism and Discount Lines in Political Economy // Problems of Political Economy. No. 4. Pp. 78–93.
- Gloveli G.D.* (2014). Mercantilism's Geoculture and Russian «High Vehemence»: Yu. Krizhanich and I. Posohkov's Heritage in the World-System Approach Context // Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics, Vol. 15. No. 2. Pp. 239–269 (in Russian).
- Gloveli G.D.* (2010). Russian Economic and Geopolitical Schools. M.: MEiMO. No. 11. Pp. 37–49 (in Russian).
- Hall A.R.* (1974). Was Did the Industrial Revolution in Britain Owe to Science? // Historical Perspectives. Studies in English Thought and Society. London. Europa Publications.
- Hecksher E.* (1962). Mercantilism. Vol. II. L.: George Allen & Unwin.
- Hessen B.M.* (1933). Social and Economic Roots of Newtonian Mechanics. M.-L.: Gos. teoret.-tekhn. Publ. house.
- Hornigck F. von* (2011). Nine Rules of Rich Countries Emulation // How Rich Countries Got Rich and Why Poor Countries Stay Poor. M: EH SU-HSE (in Russian).
- Inghram J.K.* (1897). A History of Political Economy. M.: K.T. Soldatenkov (in Russian).
- Kirsanov V.S.* (1987). The Scientific Revolution of the XVII Century. M.: Science (in Russian).
- Korsak A.K.* (1861). On the Forms of Industry in General and on the Importance of Home Industry (Domestic-Systems) in Western Europe and in Russia. M.: Grachev's Type (in Russian).
- Kossa L.* (1900). A History of Economic Doctrines. Kiev – Kharkov: South-Russian books ed. (in Russian).
- Kulisher I.M.* (2007). Large-Scale Industry in the XVII and XVIII centuries. France, Germany, Russia // Annals of economic and social history. Favorites. M.: Publishing House Territoriya buduschego. Pp. 60–96 (in Russian).
- Kulisher I.* (1906). Evolution of Return on Capital Due to Development of Industry and Commerce in Western Europe. Vol. 1. S.-Pb.: A.G. Rozen (in Russian).
- Kulisher I.* (1908). Evolution of Return on Capital Due to Development of Industry and Commerce in Western Europe. Vol. 2. S.-Pb.: A.G. Rozen (in Russian).
- Kulisher I.M.* (2004). The History of the Economic Life of Western Europe. Chelyabinsk: Socium (in Russian).
- Levitsky V.* (1914). A History of Political Economy Relative to History of Economic Life. Kharkov (in Russian).
- Lyublinskaya A.D.* (1965). French Absolutism in first XVII Century. M.-L.: Nauka (in Russian).
- Mantoux P.* (1937). The Industrial Revolution in the 18th Century in England. M.: Sotsekgiz (in Russian).
- Manufacture (1978)* // History in the Encyclopedia of Diderot and d'Alembert. Transl. and notes by N.V. Revunenikova. Ed. by A.D. Lublinskaya. L.: "Science". Pp. 160–163 (in Russian).
- Marx K.* (1959) A Contribution to the Critique of Political Economy // Marx K., Engels F. Collected Works. Vol. 13. M.: Politiazdat (in Russian).
- Marx K.* (1960). Capital. Vol. 1 // Marx K., Engels F. Collected Works. Vol. 23. M.: Politizdat (in Russian).
- Miklashevskii A.N.* (1909). A History of Political Economy. Yuriev–Derpt: K. Matisen.
- Onken A.* (1908). A History of Political Economy before Adam Smith. M.: M. Aleksandrov (in Russian).
- Petty W.* (1899) The economic writings. Ed. Ch. H. Hull. Vol. 1. Cambridge University Press. oll.libertyfund.org/titles/petty-the-economic-writings-of-sir-william-petty-vol-1.
- Petty W.* (1940). Economic and statistic works. M: Socekgiz (in Russian).
- Pipunov V.N.* (1982). The History of Watches from Ancient Times to the Present Day. M.: Science (in Russian).
- Plotnikov I.S.* (1935). Merkantilism and its decay // Merkantilism. Collection. M.: Ogiz, Socekgiz (in Russian).
- Pomeranz K.* (2017). The Great Divergence. M.: Delo (in Russian).
- Reynert E.* (2011). How Rich Countries Got Rich and Why Poor Countries Stay Poor. M.: EH SU-HSE (in Russian).
- Roncaglia A.* (2005). The Wealth of Ideas. A History of Economic Thought. Cambridge: University Press.
- Schmoller G.* The Mercantile System and its Historical Significance // Nauchnoe obozrenie. No. 10 (in Russian).
- Schumpeter J.A.* (1954). The History of Economic Analysis. New York: Oxford University Press.
- Serra A.* (1935). A Brief Treatise on the Causes That Can Make Gold and Silver Plentiful in Kingdoms Where There Are No Mine // Merkantilism. Collection. M.: Ogiz, Socekgiz (in Russian).
- Sinitzky L.N.* (1911). Anthropogeography // New Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary. Vol. 3. St. Petersburg: Brockhaus and Efron (in Russian).
- Small A.W.* (1909). The Cameralists: The Pioneers of German Social Polity. Chicago: Burt Franklin.
- Smirnov N.A.* (1910). Western Influence on the Russian Language in the Petrine Era. SPb.: Typ. Imp. Academy of Sciences (in Russian).
- Smith A.* (1776). An Inquiry Into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. London: Printed for W. Strahan and to T. Cadell in the Strand.

- Sobolev M.N.* (1898). Political Economy // Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary. S/V. 47. SPb.: Brockhaus and Efron. Pp. 305–312 (in Russian).
- Solntsev S.I.* (1930). Political Economy // Granat Encyclopedic Dictionary. Vol. 51. M.: Rus. Granat Bibliogr. Inst (in Russian).
- Strauss E.* (1954). Sir William Petty: Portrait of a Genius. London: Bodley Head.
- Tugan-Baranovsky M.I.* (1899). Economic Science // Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary. S/V. 55 (Russia). – SPb.: Brockhaus and Efron. Pp. 851–854 (in Russian).
- Vernadsky I.V.* (1858). A Scetch of Political Economy. Part I. SPb.: P.A. Kulish (in Russian).
- Vodovozov V.* (1913). Danube // A New Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary. Vol. 16. SPb.: Brockhaus and Efron (in Russian).
- Vries J. de.* (2016). The Industrious Revolution: Consumer Demand and the Household Economy, 1650 to the Present. M.: IIG (in Russian).
- Yanzhul I.I.* (1876). English Free Trade. The Historical Outline of the Development of Ideas of Free Competition and the Foundations of State Intervention. Vol. 1. The Period is Mercantile. M.: Typ. A.I. Mamontov and K. (in Russian).
- Wallerstein I.* (2016). The Modern World-System, vol. II: Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600–1750. M.: Dmitry Pozharsky's University (in Russian).